

Кабинет фтизиатра. В дверь вошёл красивый мужчина лет сорока. С правильными чертами лица, мужественность которого подчёркивал небольшой шрам на правой щеке. Он уверенно подошёл к врачу, и медленно, с нежеланием начал заготовленную речь:

– Здравствуй! Меня терапевт к вам прислала. Сходи, говорит, пусть там ещё раз посмотрят снимки. Когда увидят, что туберкулёза нет – возвращайся».

Фтизиатр – молодая, симпатичная брюнетка, спокойно и доброжелательно глядя на пациента, отвечала:

– Добрый день! Да вы не волнуйтесь. Располагайтесь. Давайте ваши снимки и направление. Конечно, постараемся вам помочь. Иван уже месяц лечился в районной поликлинике. Участковый терапевт во время приёма почти не поднимала глаз от своего рабочего стола. Всё время что-то писала. Иногда задавала вопросы. И снова писала. Она слушала лёгкие Ивана, продлевала больничный, выписывала список лекарств на вырванном из блокнота листке и, глядя сквозь пациента, кричала «Следующий!». Он был у неё четыре раза. И всегда видел перед собой нервную, напряжённую, суетливую женщину. Общаться с ней, как и с другими врачами, после таких приёмов не хотелось. Но дома ждал грудной ребёнок, а кашель, слабость и боль в груди не проходили. И он вновь шёл в поликлинику.

Иван был уверен, что встретит к себе в противотуберкулёзном диспансере такое же отношение, каким оно было к заключённым, когда он сидел. «Туберкулёз» для него с тех пор был равен слову «тюрьма»: там болели многие.

Иван сел на стул, ждавший его в трёх шагах от стола врача и медсестры. «Видно, сами боятся туберкулёзом заразиться. И правильно делают», – подумал про себя Иван, осматривая кабинет.

Доктор прочла направление терапевта, что-то записала в карту, и стала спрашивать:

– Вы туберкулёзом раньше болели?

– Нет.
– Контакт с больными туберкулёзом был?

– Да, в тюрьме.

Иван и сам удивился, как спокойно он сказал ей про то, что постороннему знать не надо.

Но врач так расположила его к себе с первых слов, что у него будто не было от неё тайн.

– Когда освободились?

– Три года назад.

Доктор не изменилась в лице, как обычно бывает, когда кто-то узнаёт о таких подробностях. Не лезла в детали.

– В семье кто-то болел туберкулёзом?

– Нет.

– Когда вы последний раз делали флюорографию?

– По-моему, когда сидел в тюрьме. Три года назад. Как освободился – не делал.

– Что сейчас привело вас к терапевту?

– Да я сначала простудился на рыбалке, было ОРЗ. Потом тем-

кто живёт с ним в квартире, есть ли ещё дети.

Маша ждала его возвращения из тюрьмы. Иван считает её своей законной женой, хотя пока они живут гражданским браком. Одинадцать месяцев назад родилась очаровательная малышка. В однокомнатной квартире, где живут они троём, прописана Маша с

не прописан. Ей говорили, что флюорографию должны сделать все прописанные. Дед сделал.

– А когда вы устраивались работать? При приёме на работу все обязательно проходят медосмотр с обязательной флюорографией...

– Да меня двоюродный брат устроил без всяких медосмотров. Все вопросы доктор задавала

недельного обследования обстановки диспансера точно сама по себе лечила от прежнего ужаса от слова «туберкулёз», казавшегося раньше приговором. На одном из приёмов Иван услышал:

– Мы подтвердили диагноз «туберкулёз». У вас активный процесс, который сопровождается бактериовыделением. вы представляете опасность для окружающих.

Иван напрягся, но старался не подавать вида. Разные мысли мешали сосредоточиться.

– А давно я заболел?

– Вероятно, да.

– А могли бы у меня выявить туберкулёз раньше? – нерешительно спросил он.

– Могли. Заболевание могли выявить на ранней стадии. Но надо было регулярно делать флюорографию.

– Жаль, что меня не убеждали в этом...

На этом можно было бы закончить. Но я продолжу.

«Что-то времени не нашли», – часто отвечают люди, когда речь идёт о флюорографии. Почему-то многие убеждены, что это надо врачу. Скорее всего, формально: для статистики и отчётности. Или, может, для чего-то ещё.

Если бы Иван считал иначе, он сделал бы флюорографию уже, как минимум, четырежды: выйдя из тюрьмы, когда была беременной женой, после рождения ребёнка, устраиваясь на работу. По рекомендациям врачей. По правилам жизни общества. Для себя, для своей семьи, для окружения. Чтобы быть уверенным, что здоров. Или, если всё же обнаружится туберкулёз, чтобы не доводить процесс до бактериовыделения, а лечение – до операции.

А теперь мы не можем даже предположить, что будет с окружением Ивана: его маленькой дочкой, женой, друзьями, коллегами по работе, соседями по лестничной клетке. Им всем срочно надо пройти обследование.

Друзья, окружением Ивана может быть каждый из нас. «И что дальше?» – спросите вы. А дальше надо изменить отношение к флюорографии. Флюорография ОБЯЗАТЕЛЬНА всем россиянам как минимум раз в два года. Некоторым чаще. Чтобы потом не сетовать: «Жаль, что не убеждали...»

Татьяна МОХРЯКОВА,
врач и журналист.

P.S. У маленькой дочке Ивана, обследованной «по контакту», обнаружен активный туберкулёз.

НА СНИМКЕ: при проблемной флюорографии назначаются более современные и информативные методы: рентгенография и компьютерная томография.

Акценты

Флюорография обязательна!

Чтобы потом не сетовать: «Жаль, что не убеждали...»

пературу сбил, а кашель остался. Дома маленький ребёнок, живём в однокомнатной квартире, а я всю ночь дохою. Вот жена и отправила к врачу.

Он рассказал, что терапевт поставила пневмонию, назначила антибиотики, отхаркивающие, что-то ещё. Кашель чуть уменьшился, а боль в груди справа так и осталась.

Иван только дома чувствовал такое отношение к себе: полное принятие. Доктор спросила у него о семье, о работе. Её интересовали все детали: сколько комнат,

ребёнком и её отец. Иван работает в такси, получает хорошую зарплату, хотел бы быстрее выздороветь, чтобы вновь работать полный день.

Доктор иногда перебивала рассказ Ивана своими вопросами:

– Когда жена была беременна, делали флюорографию?

– Нет.

– А почему?

– Да что-то времени не нашёл.

– А после рождения ребёнка?

– А после нам тоже никто не сказал. Да мы официально не расписаны. Я и в квартире жены

так, чтобы Иван вспомнил факт флюорографии, о котором мог запомнить, а тон её по-прежнему оставался спокойным и доброжелательным.

Приём длился минут сорок. После беседы доктор попросила Ивана раздеться, внимательно прощупала шею, подмышки, долго слушала его лёгкие. Потом рассматривала снимки, что-то писала.

Он приходил в диспансер несколько раз. Без напряжения и страха. Здесь было очень чисто, тихо, спокойно. Во время двух-

Острая тема

Необычная история произошла в древнем городе на Десне – Брянске. Широко известный за пределами Брянской области детский музыкальный театр «Орфей» может сойти со сцены уже в ближайшее время из-за новых правил игры. Представьте себе, санитарных...

Творчество – процесс непрерывный. Кто с этим спорит? Но в данном случае этот самый процесс взялись регламентировать санитарные врачи и чиновники от системы образования. Причём предлог выбрали самый благозвучный: спасаем, дескать, детей от переутомления. А то, не дай Бог, заиграются. А ведь ребяташек и вправду не остановить. Премьера за премьерой! К Новому году, к летним каникулам.

Этот образцовый детский театр был создан ещё в конце прошлого века и специализируется донны-

СанПиН против «Орфея»

Говорят, что мы слишком переутомляем наших детей...

на мюзиклах. Всевозможных премий и дипломов не счесть. В их числе – первые премии на конкурсах «Улыбки моря» в Болгарии, «Весенний звездопад» в Польше, «Шаги» в Минске... Словом, работать бы детям и дальше. На благо себе и зрителям. Но...

Буквально громом среди ясного неба стала спущенная сверху директива не переутомлять детей! Причём врачи-гигиенисты и чиновники от образования уверены: внешкольные занятия – это дополнительная нагрузка к общеобразовательной программе, которая и без того очень сложная. Потому и были приняты новые СанПиН 2.4.4. 1251-03 «Санитарно-эпидемиологические требования к

учреждениям дополнительного образования». Есть там и пункт, который констатирует, что «посещение ребёнком занятий более чем в двух объединениях (секциях, студиях) не рекомендуется». Заниматься можно лишь дважды в неделю: хореографией от 30 до 45 минут (в зависимости от возраста), в хоре, театральном кружке и литературным творчеством по 45 минут. Вот как просто, оказывается, можно загнать в рамки регламента творческую энергию души!

А между тем создание мюзикла – процесс очень долгий и непростой. Надо ли особо подчеркивать, сколько необходимо потратить времени и сил для того, чтобы создать яркое и зрелищное

представление? А потому ни один детский музыкальный театр в требования СанПиН не укладывается! Например, воспитанники известного московского коллектива «Домисолька», которые блистают на экранах ТВ, занимаются в группах вокалом от 1 до 3 часов, хореографией – от 1 до 2 часов... Добавьте сюда ещё сольфеджио, актёрское мастерство, сценическую речь... Понятно, что дети устают. И даже очень. Но никто не жалуется! Ведь ещё М.Пришвин отмечал, что «первая ступень творчества есть самозабвение». В «Орфее» тоже уверены: чем больше ребёнок занят музыкально-драматическим творчеством, тем он свободнее от тлетворного влияния улицы...

Пытаясь спасти театр, в «Орфее» решили переработать программу, сократить количество групповых занятий. Однако руководство Бежицкого центра внешкольной работы, где базируется «Орфей», на уступки идти не хочет. Причём с формальной точки зрения оно право: требования СанПиН надо соблюдать. А по существу?

Разумеется, и я двумя руками голосую за соблюдение санитарно-гигиенических требований. Но ведь нет правил без исключений. К тому же, театр «Орфей» – отличная альтернатива многочасовым посиделкам у компьютера или вечерним бдениям с пивом в подворотнях. И в том и в другом случае вред для здоровья – несомненный. Причём особо подчеркнём, что тут СанПиН и чиновники бессильны...

Василий ШПАЧКОВ,
с.б. корп. «МГ».

Брянск.